

реальности и ирреальности. Их взаимопроникновение и взаимооборачиваемость создают особый, мерцающий образ мира, запечатленного как бы в нескольких проекциях, где сомкнулись две разноприродные области бессознательных представлений: мир интуитивных вдохновенных творческих прозрений автора и воссозданная его вымыслом подсознательная психическая стихия его героев.

Д. В. Жердев

СКАЗЫ БАЖОВА КАК СВЕРХТЕКСТ

Описывая творчество любого автора как целое, мы можем употребить по отношению к нему термин *сверхтекст*. Однако в большинстве случаев такое объединение мотивировано только личностью автора; сверхтекст не становится активным началом, определяющим построение каждого отдельного текста. В ряде случаев такая активность проявляется в существовании общего поля смыслов, "сквозных мотивов", не только возобновляемых в процессе создания новых текстов, но также более или менее осознанно развивающихся, реализуясь полностью только в системе текстов - особенно это относится к авторским циклам и сборникам ("Повести Белкина", "Миргород", "Голубая книга" и пр.). Однако в подавляющем большинстве случаев отдельные тексты - элементы системы - строятся как относительно независимые, способные быть самостоятельным объектом читательской рецепции без обязательной отсылки к сверхтексту. При этом объединяющий принцип обычно легко выделим и сводим к ограниченному кругу идей - на содержательном уровне; на формальном это обычно сквозные мотивы или ключевые образы, реже некий универсальный принцип построения отдельных текстов.

Рассматривая специфику сказов Бажова как сверхтекста, мы должны отметить высочайшую степень его актуальности по отношению к единичному тексту. Необходимо констатировать наличие над-системы смыслов и форм, влияющих на построение отдельных сказов, однако такая констатация будет недостаточной. Отдельные сказы, как правило, не являются в собственном смысле отдельными. Это касается и содержания малых циклов (типа истории семьи Данилы-мастера), и реализации сквозных мотивов (типа "Ключ-

камень" или "Сокровище в пещере"), которые могут быть поняты и истолкованы только в контексте всего корпуса сказов (общность на содержательном уровне) и фактически создания Бажовым особого *сказового языка*, развития форм *сказовой интонации* повествования (элементы формальной общности) и принципиального тяготения сказов к циклизации уже в момент создания - показательна, например, судьба заявленного, но не состоявшегося "Березовского золотого цикла" ("обобщающая" тенденция в авторском сознании). Характерна и почти обязательна незавершенность сказов, постоянные указания на возможность продолжения - если не на сюжетно-тематическом уровне, то через отсылку к индивидуальному опыту читателя или рассказчика (в ряде случаев, в поздних сказах,- близких к совпадению) или через указание на возможность повторения ситуации рассказывания, т.е. на неисчерпаемость опыта, над-системы. Над-система оказывается шире авторского сознания, поскольку в ряде случаев явно "ведет" автора за собой (см., например, трансформацию у Бажова ленинской темы). Она не сводима к литературному и культурному контексту, к фольклорным истокам или к "полю смыслов". Ее скорее следует назвать "полем опыта", неоформленным (и требующим оформления в сказах), но содержащим в себе реальные и потенциальные смыслы, формы, факты. В этом смысле над-система Бажова действительно подобна фольклорному сознанию, но не как следствие или подражание, а как аналогичное образование. Над-система оказывается активным творческим началом, а ее наличие - как отсылка к некоему предположительно коллективному опыту - легко воспринимается реципиентом текста. При этом индивидуальность бажовского творчества плохо согласуется с привычкой воспринимать над-систему как продукт обязательно коллективного опыта, коллективного сознания. Отсюда попытки свести ее к известным коллективным над-системам: от восприятия самим Бажовым, а затем и его первым читателями уральских сказов как фольклорных записей до новейших "изысканий" челябинских агни-йогов.